

Рауль Риго (1846-1871)

В последние годы Второй империи достаточно было зайти в библиотеку на улице Ришелье, чтобы на одной из первых скамеек слева увидеть молодого человека в пенсне, с большим открытым лбом и откинутой назад шевелюрой, с густой взъерошенной тёмной бородкой и с постоянно игравшей на устах иронической усмешкой. Человек этот - Рауль Риго - прилежно читал "кипящие великим гневом" и "пламенными чувствами" страницы "Pere Duchene" - газеты Эбера*, бывшего в 1793 г. заместителем прокурора Коммуны.

- (Эбер, Жак Рене (1757-1794)-талантливый журналист и политический деятель Французской буржуазной революции, выступавший против политики Конвента. Эбер был одним из вождей народного движения в Париже (в сентябре 1793 г.), заставившего Конвент провозгласить террор и включить в состав Комитета общественного спасения левых монтаньяров. В первые годы революции он выпускал газету "Pere Duchene", получившую благодаря хотя и грубому, но живому

и образному языку особенно широкое распространение среди ремесленного, и рабочего люда парижских предместий (с 1790 по 1794 г. вышло 385 номеров.)

Взор у Рауля Риго был пристальный, дерзко-настойчивый и иронический, голос звучный, причём Риго иногда его намеренно усиливал "для устрашения". Он был разговорчив, насмешлив, вечно в движении. В руках Риго обычно держал табакерку, имея привычку угощать каждого понюшкой табаку. Одет он был большей частью небрежно. (Впрочем, впоследствии, в дни Коммуны, занимая высокие судебные посты, Риго стал одеваться очень опрятно, даже элегантно, и тщательно следил за своей внешностью.)

Рауль Адольф Жорж Риго (Rigault) родился 16 сентября 1846 г. Он был сыном бывшего помощника префекта республики 1848 г. Рауль получил отличное образование и воспитание. Он учился сперва в Бонапартовском лицее, а затем закончил версальский коллеж, по окончании которого получил степень бакалавра. Очень трудолюбивый и усидчивый, он обладал большими способностями к математике и стал изучать эту науку в лицее Людовика, куда он поступил после окончания коллежа.

Но вскоре Риго увлёкся политической деятельностью. Отец Рауля радикально расходился во взглядах с сыном (и даже публично заявил об этом после его гибели и падения Коммуны), и Рауль был принуждён покинуть родительский дом; поселившись в Латинском квартале, он сблизился с революционной молодёжью. Это были главным образом студенты-бланкисты, издававшие газеты, в которых они смело атаковали бонапартистский режим. Первые политические выступления Риго в Латинском квартале связаны с процессом бланкистской газеты "Candide" ("Кандид"), издававшейся студентами в период с 3 до 27 мая 1865 г. Эта газета прекратила своё существование на 8-м номере, и большинство её редакторов было предано суду "за оскорбление религии".

Риго был одним из участников международного студенческого конгресса в Льеже в 1865 г. Французская студенческая делегация выступила с решительным протестом против реакционного режима Второй империи, отсутствия политических свобод и против католической церкви - опоры реакции.

Правительство Наполеона III сурово расправилось с участниками: шесть студентов было исключено из университета; решение Академического совета от 12 декабря 1865 г. гласило, что они "предавались самым преступным эксцессам, оскорбляли французское знамя, возвеличивали красный флаг и террор... призывали к восстанию"*.

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, Paris 1898, p. 12-13.)

По поводу этого решения Риго произносил гневные речи, завоевавшие ему популярность в студенческой среде. Его полюбили: "Он такой занятный!" - обычно говорили студенты. Когда из провинции приезжал какой-нибудь новичок, его первым делом знакомили с Раулем Риго, как с одной из "достопримечательностей Парижа". Многие помнили, как Риго в последние годы империи появлялся в кафе Ренессанс на бульваре Сен-Мишель, споря с друзьями, заговаривая с незнакомыми, вызывающе глядя на полицейских.

Все эти годы Риго зарабатывал на жизнь уроками математики, хотя давали они ему ничтожную сумму. Но для общественных нужд Риго всегда умел раздобыть деньги. Если требовались средства для поддержки какой-нибудь газеты Латинского квартала, за это дело обычно брался Риго. Он отправлялся к капиталистам, увлекал их разговором и возвращался с успехом.

7 ноября 1866 г., в 11 часов вечера 20-летний Риго вместе с группой других лиц был захвачен полицией во время массового налёта и проверки посетителей в кафе Ренессанс и препровождён в тюрьму по обвинению в участии в тайном обществе. Так Раулю Риго пришлось впервые в жизни познакомиться с префектурой полиции. Скоро выяснилось, что его задержанию нет оснований, и его выпустили. Уходя, Риго шутил:

- Не повезло, чёрт возьми! Они меня не хотели познакомить с Мазасом!*

- (Мазас - тюрьма для политических преступников в Париже.)

Все эти годы Риго по-прежнему вдохновляли мысли о 1793 г. Он принципиально называл всех знакомых и незнакомых "гражданин", "гражданка", что в дни империи звучало довольно странно, и совершенно не признавал слова "святой" (saint), игнорируя его в самых общеупотребительных словах (например, Сен-Мишель, Сент-Уэн и т. п.), заменяя одни ненавистные ему слова ("крест", "король") другими ("гильотина" и др.), так что его манера выразаться в общем выглядела весьма оригинально*.

- (См. Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rieault, p. 16-17.)

В 1868 г. Рауль Риго стал студентом медицинского факультета. Он активно участвовал во всех студенческих беспорядках и собраниях, подписывал воззвания и протесты студентов, нередко вмешивался в их столкновения с полицией.

Одновременно с медициной Риго специально занимался изучением полицейских нравов. Он знал в лицо всех комиссаров полиции, их повадки и привычки. В кафе он забавлял своих приятелей, смеявшихся до упаду, видя, как Риго искусно копирует полицейских и шпииков. Иногда он занимался слежкой за шпииками, хорошо изучив, где и когда они бывают и как себя ведут. У Риго всегда были пунктуально записаны в книжечке все их манёвры, день за днём. Так "надзору над молодёжью" агентов полицейского комиссара Лагранжа Риго умел противопоставить свой "контрнадзор", весьма искусный и точный, доводивший полицейских до бешенства:

"Так было однажды вечером [в кафе] у Глазера, - рассказывал Вильом, - когда два несчастных сыщика решились толкнуться туда.

В переполненной зале ни одного свободного столика.

Обоим товарищам приходится поневоле устраиваться в глубине за биллиардом.

- Эге! Они самые! - определяет их с первого же взгляда Риго. - Я их знаю.

И он поднимается со своего места, вынимает из кармана табакерку (Риго обильно нюхал табак), подходит к обоим субъектам и громко называет их по имени, предлагая им в то же время понюшку:

- Ну! Как поживает начальник? Не стесняйтесь же, возьмите одну... две, если угодно.

И смеётся, щёлкая табакеркой.

...Оба субъекта поспешно покинули свой лимонад и живо выбрались на улицу, в то время как вдогонку им неслось: "Вон шпикив!"*

- (Максим Вильом, В дни Коммуны, стр. 174-175.)

В свободные часы Риго изучал различные судебные процессы; знакомясь с каким-нибудь политическим процессом, Риго сразу охватывал все его мельчайшие детали; собирал подробности о судьях, обвиняемых, защитниках, шпиках и провокаторах. Его эрудиция в этой области была поразительной. Когда Бланки познакомился с Риго, ему кто-то сказал, что Риго не заслуживает симпатии. Но Бланки ответил: "У Риго есть подлинное призвание: он рождён, чтобы быть префектом полиции"*

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 18.)

Риго часто бывал в Верховном суде, посещал Зал потерянных шагов, где не раз раздавался его громкий насмешливый голос...

Но, несмотря на свои иронические и странные манеры, несмотря на кажущееся легкомысленным отношение к серьёзным вопросам, позволявшее даже друзьям называть его "взрослым Гаврошем" (то есть парижским уличным мальчишкой), - Рауль Риго был образцом непоколебимого революционера, близкого к бланкистам, атеиста и врага буржуазного общества. "Эта пламенная душа была одновременно скептической и фанатичной, - писал о нём его современник Да Коста. - Как фанатик, он должен был отбросить и отбрасывать - слишком часто с нарочитым цинизмом - всякую мысль о примирении с буржуазным обществом... Как фанатик, он в часы революции обладал мрачной энергией Сен-Жюста... Как скептик, он не мог уважать предрассудки, которые считал позорными. Всё, что его разуму, не во всех отношениях полностью просвещённому, казалось ложным или невероятным, - Риго отвергал с гневом и презрением, ожидая той минуты, когда он сможет, наконец, свободно и беспощадно с этим бороться"*

- (Gaston Da Costa, La Commune vecue, v. II, p. 124.)

На народных собраниях он нападал на религию и мораль. 22 декабря 1868 г. на одном из таких собраний Риго был задержан за то, что доказывал необходимость и законность "свободных связей" между мужчиной и женщиной, высмеивал безнравственность католического духовенства, обречённого на безбрачие и преступления против морали. За это выступление Риго был приговорён к четырём месяцам тюрьмы и 200 франкам штрафа*.

- (CM. Ch.Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 19.)

В суде Риго вёл себя очень вызывающе. Когда официальный защитник обратился к суду с просьбой о снисхождении к обвиняемому ввиду его молодости, Риго встал и заявил:

- Мне не нужно вашего снисхождения, господа: когда мы будем у власти, вы у нас его не получите!*

- (См. Ch. Proles, *bes hommes de la Revolution de 1871*. Raoul Rigault, p. 20.)

В то время как Риго вместе с Ферре и Гайяром-отцом* сидели в тюрьме Сент-Пелажи, политические заключённые устроили демонстрацию с пением "Марсельезы" и "Карманьолы" и с возгласами: "Да здравствует республика! Да здравствует гильотина!"**. По сообщению директора тюрьмы, манифестанты "богохульствовали, называя бога и святую деву непристойными словами". Риго, вызванный в связи с этим снова в суд, отрицал это, но согласился со словами защитника, что "не будь Риго в тюрьме - он непременно участвовал бы в мятеже". Суд приговорил всех троих - Риго, Ферре и Гайяра-отца ещё к двум месяцам тюрьмы и к 16 франкам штрафа.

- (Гайяр, Наполеон, отец (1816-1901) - сапожник, бабувист; сражался на баррикадах в декабре 1851 г.; клубный оратор, член ЦК 20 округов. Полковник Коммуны, организатор баррикад.)

** (См. Ch. Proles, *Les hommes de la Revolution de 1871*. Raoul Rigault, p. 20.)

Впоследствии, как редактор газеты "Democrit" ("Демокрит"), Риго судился за статью "О терпимости", доказывавшую, что, придя к власти, атеисты не должны признавать никакой "терпимости". В этой статье Риго писал: "В разгар боя нельзя требовать, чтобы сражающийся сложил оружие. Нельзя требовать у партии, отстаивающей равенство и справедливость, чтобы она сложила оружие перед партией разбоя и тирании... Богатые эгоисты, вы затеяли пляску, так и платите же за музыку!.. Ловите пулю налету! Если мы не нанесём аристократии смертельный удар, она скоро поднимет свою уродливую голову. Между народом и врагами народа завязался бой не на жизнь, а на смерть, и бой этот окончится только тогда, когда та или другая сторона будет уничтожена!".

Суд приговорил Рауля Риго к трём месяцам тюрьмы и к ста франкам штрафа; выход газеты был запрещён. Попав снова в Сент-Пелажи, Риго сблизился там с левым республиканцем Анри Рошфором. Когда же Рошфор совместно с секцией I Интернационала в конце 1869 г. основал газету "Marseillaise", Риго стал сотрудником этой газеты. В ней он поместил биографии главных судей сенского трибунала империи. Эти хлёсткие статьи, написанные с большим блеском и остроумием, обратили на себя внимание республиканской партии во время её борьбы с бонапартистским режимом.

13 июля 1870 г. Риго был снова приговорён к 4 месяцам тюрьмы и 150 франкам штрафа за издание брошюры под названием: "Великий заговор, мелодрама плебисцита, во многих актах и в бесчисленном количестве картин". В промежутках между периодами тюремного заключения Риго продолжал выступать перед студентами и рабочими с политическими разоблачениями и с рассказами о своих переживаниях в тюрьме. По-прежнему в своих речах он прославлял героев французской буржуазной революции конца XVIII в. Он заявлял, что

ненавидит Робеспьера, так как тот, веруя в "верховное существо", унижал революцию своими религиозными идеями. Идеалом Риго были Эбер, Анахарсис Клоотц* и члены Парижской Коммуны 1793 г. Однажды, когда Риго спросили, либерал ли он, он презрительно расхохотался и заявил своему собеседнику: "Я прошу вас быть со мной вежливым!"**. "Марсельезу" Риго считал "слишком патриотичной и буржуазной". Он предпочитал ей песню "Ça ira!" и часто распевал её. Он знал наизусть всю историю первой французской революции. Умеренных республиканцев - Жюля Фавра, Жюля Симона - Риго смертельно ненавидел, не менее, чем министров Наполеона III. Однажды он воскликнул:

- (Клоотц, Анахарсис (1755-1794) - философ-просветитель, участник французской буржуазной революции XVIII в., член Конвента; требовал войны с антифранцузской коалицией и создания Всемирной республики. В 1793 г. был исключён из Якобинского клуба и казнён вместе с группой эбертистов (левых якобинцев).)

** (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault. p. 28.)

- Я бы расстрелял всех республиканцев, сидящих сейчас на левых скамьях Палаты!

- Как же это так? Ты же стоишь за запрещение смертной казни? - говорили ему.

- Да, - но только не в области политики... Вообще говоря, для законной защиты общества достаточно ограничиться заточением. Но в области политики есть только один способ помешать своим противникам приносить вред - это высшая мера наказания. Даже нужно было бы, - добавлял он с величайшим хладнокровием, - избрать более удобный способ лишения жизни: лучше всего заменить гильотину электрической батареей*.

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault. p. 29.)

После революции 4 сентября Риго добился назначения специальным комиссаром полиции при префекте полиции Кератри. Он постарался сразу же проникнуть в секретные архивы, где обнаружил много интересного. Так, он нашёл и передал А. Рошфору, заседавшему тогда в Ратуше в качестве члена правительства Национальной обороны, секретный отчёт прежнего префекта, сообщавшего об аресте одного биржевика, который был уличён в краже 300 тысяч франков и выгнан из парижской биржи за подлоги. Ценность этого документа заключалась в том, что этот вор был братом республиканца, члена правительства Национальной обороны*. Незадолго до крушения империи Наполеон III решил простить этого вора при условии, если брат, известный республиканец, незаметно для остальных единомышленников откажется от своей оппозиционной деятельности. Позорная сделка была действительно заключена, но республиканцы впоследствии скрыли имя этого человека, избранного депутатом уже при республике.

- (Речь идёт об Эрнесте Пикаре, министре, сделавшем брата-Артура Пикара редактором своей газеты "L'Electeur libre".)

Всё это время Риго энергично боролся с некоторыми деятелями префектуры. Он написал новому префекту Крессону письмо с решительным протестом против его утверждения, что будто "политическая полиция уже не существует": "Я докажу вам, господин префект, -

писал Риго, - что вы дважды солгали. У меня есть реальные доказательства. На гражданских похоронах невестки гражданина Лакамбра, редактора газеты "La Patrie en danger", присутствовало три ваших агента. Один из них был отведён нами - Раулем Риго, Гастоном Да Коста, Брелье и Лебланом - в мэрию XI округа, где этот агент признался, что начальники велели ему быть на похоронах, чтобы увидеть, какие политические деятели будут присутствовать. Ясно, кажется? В другой раз, бесстыдный лжец, будьте менее неловки!"*.

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 35-36.)

В период осады Парижа Риго продолжал выступать в клубах, что создало ему ещё большую известность. Он был избран в V округе командиром батальона. В конце 1870 и начале 1871 г. Риго выступал против правительства Национальной обороны, называя его членов реакционерами, "врагами атеизма" и "июльскими убийцами".

Во время восстания 31 октября Бланки назначил Риго префектом полиции. Риго пытался тогда же овладеть префектурой; но в отсутствие прежнего префекта, Э. Адама, его встретил в префектуре генеральный секретарь Пуше, который хладнокровно объяснил Риго, что только что приходил другой человек, получивший за подписью Флуранса точно такое же назначение; Пуше рекомендовал Риго вернуться в Ратушу и предварительно согласовать приказ с Флурансом. Риго был ошеломлён. Он заявил угрожающим тоном, что вернётся не позже чем через час, и удалился, но за это время ситуация, как известно, изменилась, и восставшие потерпели поражение. На следующий день после назначения новым префектом Крессона Риго подал в отставку, мотивируя это следующим образом:

"Гражданин префект!

6 сентября я был назначен комиссаром полиции. Так как политическая присяга была отменена лишь 7-го, я дал присягу верности республике, единой и неделимой. Сейчас я считаю функции, выполняемые мною, несовместимыми с моей присягой, и уйду в отставку. Привет и братство! Рауль Риго"*.

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 33.)

Одновременно Риго сообщил об этом письмом в редакцию газеты "La Patrie en danger": "...Сожалею, - писал Риго, - что не могу продолжать начатого мною изучения досье архива. Однако мы уже добились некоторых результатов. Мы их используем и разоблачим предателей, которые уже при империи были более чем подозрительны"*.

"Journal officiel" пытался объяснить уход Риго ненужностью для республики поста комиссара, но Риго ответил на это следующим образом: "Я и не занимал в префектуре места "комиссара при кабинете префекта", а был комиссаром, специально прикомандированным к префектуре... При графе де Кератри я не занимался ни политикой, ни секретами, а просто старался с гражданами Дюбо и Кобе превратить префектуру Пьетри в республиканскую префектуру. Но не думаю, что это нам полностью удалось..."**.

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 33.)

** (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 34.)

С этих пор он стал регулярно работать в бланкистской газете "La Patrie en danger" совместно с Тридоном, Верле, Ферре и другими. Работая в префектуре, Риго сумел найти и собрать множество документов, касающихся тайных агентов полиции. В газете "La Patrie en danger" он опубликовал список лжедемократов, которые во времена империи получали жалованье за предательские донесения о партии, в которой состояли. Так он успел огласить имена двух десятков шпионов.

Спустя два дня после революции 18 марта Рауль Риго был назначен делегатом Центрального комитета при префектуре полиции. При этом было принято следующее решение: "Гражданину Раулю Риго, командиру батальона V легиона Национальной гвардии, поручается наблюдение за городом Парижем и за безопасностью республики. В ожидании дальнейшего организационного оформления Коммуны гражданин Риго будет находиться в распоряжении Центрального комитета"*.

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 34.)

После реакционных демонстраций 21-22 марта Риго выпустил воззвание "Ко всем республиканцам", начинавшееся словами: "Граждане! Бонапартизм поднимает голову. Вчера он осмелился пройти по Парижу со своим мерзким маскарадом и попытался нарушить порядок, который народ решил сохранить... Теперь он меняет тактику и хочет вас убедить, будто вы не имеете права избрать себе муниципальный Совет (Коммуну. - А. Л.), под пустым предлогом, что созыв избирателей есть акт национального суверенитета... Нет, граждане, вы не поддавайтесь этому бонапартистскому обману! То, что озлобление реакции вам помешало голосовать, ещё более доказывает, насколько необходимо, чтобы вы исполнили этот свой гражданский долг! Все ступайте на выборы!.."*. Накануне выборов Риго и прочие бланкисты расклеили афиши с горячим, настойчивым призывом: "На выборы - все, кто мыслит, все, кто видит, что только голосование всего города может положить конец кризису!"**.

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 39.)

** (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 40.)

Рауль Риго был избран членом Коммуны 2175 голосами в VIII округе.

На одном из первых заседаний Коммуны Риго предложил избрать Бланки почётным председателем. Делеклюз выступил с принципиальным возражением против этого предложения Риго, указывая, что подобное избрание - "старый монархический обычай" ("моё возражение направлено не против личности старого изгнанника, - пояснил Делеклюз, - но я усматриваю в "почётном председательстве" монархическое заблуждение"). Риго продолжал настаивать, рассматривая избрание Бланки как вызов Версальскому собранию.

Другой член Комиссии общей безопасности, Курне, заявил (имея в виду, что Бланки в данный момент - пленник Версаля и как раз накануне революции, 17 марта 1871 г., был арестован в Бретну, в Южной Франции, и посажен в крепость): - По отношению к Бланки... мы должны сделать что-либо более существенное!

Председатель Беле в своей речи сказал:

- Бланки - старик, но, вдали или вблизи, он будет с нами!

Коммуна потребовала тайного голосования.

В тот же день, 29 марта, состоялись выборы членов Комиссии общей безопасности. Вместе с Ферре, Асси, Курне, Уде и Жирарденом был избран в эту Комиссию и Рауль Риго. Кроме того, он сохранил за собой также пост гражданского делегата при префектуре полиции; к нему в качестве военного делегата при префектуре присоединили Дюваля. После гибели Дюваля во время вылазки 3 апреля Риго сосредоточил в своих руках все эти полномочия.

С самого начала своей деятельности в Комиссии Рауль Риго проявил себя сторонником беспощадной и непримиримой политики революционного террора.

Главной и первостепенной задачей Комиссии общей безопасности была борьба с контрреволюцией и шпионажем и в то же время с непрерывно возрастающими военными силами Версаля, готовившимися напасть на революционный Париж. В ведении Комиссии общей безопасности была полиция; её обязанностью было обеспечение порядка и безопасности граждан столицы, забота о соблюдении нравственности на улицах Парижа, охрана республики и надзор за подозрительными в том или ином отношении лицами.

Уже на вечернем заседании Коммуны 29 марта бланкист Уде потребовал принять "энергичные меры против агентов реакции". Груссе (член ЦК Национальной гвардии) требовал роспуска версальского Национального собрания. О том же говорил Вайян (член ЦК и член I Интернационала), заявив, что "необходимо, чтобы собрание исчезло, в противном случае погибнет революция. Надо укрепить у нас революцию так, чтобы заставить реакцию напасть на неё, и тогда мы будем сильны". 4 апреля Вайян предложил, чтобы Коммуна "в ответ на убийства, совершаемые версальским правительством, вспомнила, что у неё есть заложники, и объявила, что на удары она будет отвечать ударами".

На заседании Коммуны 5 апреля, после того как из письма некоего Барера стало известно о бесчеловечных, варварских преступлениях, совершаемых версальцами по отношению к коммунарам, что вызвало взрыв общего негодования, - был предложен и единодушно принят декрет об аресте и казни соответственно тройного числа заложников в ответ на казнь каждого коммунара или сторонника Коммуны. Решения Коммуны стали программой действий Комиссии общей безопасности.

Однако приведение в исполнение декрета о заложниках натолкнулось на большие препятствия: значительная часть членов Коммуны решительно протестовала вопреки требованиям Риго и Ферре против широкого применения революционного террора и карательных мер. Уже 14 апреля Коммуна вынесла постановление, возражающее против "всяких произвольных действий и посягательств на личную свободу", и этим сильно тормозила действия членов Комиссии общей безопасности.

На основании декрета о заложниках Комиссия уже в первых числах апреля арестовала около 260 человек, из которых, впрочем, до момента вторжения в Париж версальских войск

ни один не был расстрелян.

В числе самых опасных врагов Коммуны Риго считал священнослужителей: "Попы - опасные пропагандисты и пользуются у населения наибольшим влиянием". Поэтому приведение в исполнение декрета о заложниках он начал с ареста католического духовенства.

Первые аресты были произведены 4 апреля, когда по мандату Рауля Риго были приведены в префектуру полиции парижский архиепископ Жорж Дарбуа и его главный викарий, аббат Лагард. Приведённый в кабинет Риго Дарбуа обратился к нему и к его помощникам с вопросом:

- Что от меня хотят, дети мои?

- Гражданин, - быстро возразил Риго, - оставьте-ка вашу вкрадчивую манеру говорить и не забывайте, что вы здесь находитесь в присутствии судей. Вот уже полторы тысячи лет, как вы всё пичкаете нас своими суевериями. Пора положить этому конец!.. Ваша профессия? - спросил Риго.

- Служитель бога.

- Где живёт ваш господин?

- Всюду.

- Запишите, - сказал Риго своему секретарю: "Гражданин заявляет, что он - слуга лица, именуемого "бог", который, по признанию обвиняемого, занимается бродяжничеством"*.

- (См. Ch. Proles, Leshommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 46.)

Дарбуа надеялся, что Тьер приложит все усилия, чтобы его освободить и обменять на арестованного Бланки, как этого просила Коммуна. Аббат Лагард даже ездил в Версаль со специальным письмом Дарбуа по этому поводу. Но вышло совсем иначе. Тьер предпочёл пожертвовать архиепископом...

Риго твёрдо стоял на позиции революционного террора. С негодованием вспоминая лицемерие Тьера, оправдывавшего в письме к архиепископу Дарбуа зверское убийство Флуранса и Дюваля, Риго заявил в Коммуне:

- Я считаю, что нужно применять репрессии; мы не должны ни минуты колебаться!*

- (См. "Proces-verbaux de la Commune 1871", v. I, p. 401.)

Арест священнослужителей вызвал большое недовольство среди членов Коммуны.

На одном из заседаний Верморель заявил, что целесообразно арестовать как заложников не "приходских священников, никогда не занимавшихся политикой", а более опасных врагов - друзей и родственников членов Версальского собрания, живущих в Париже.

Исполнительная комиссия в свою очередь потребовала немедленно расследовать причину и число арестов, производимых Центральным комитетом и Комиссией общей безопасности, чтобы "срочно обеспечить осуществление одного из великих принципов республики - свободы"*.

- (См. "Procès-verbaux de la Commune 1871", v. I, p. 142.)

Несмотря на решение применять в ответ на зверства версальцев суровые репрессии, последние Коммуной не применялись в течение целых трёх недель с момента принятия декрета о заложниках. И только 26 апреля, когда на заседании Коммуны член её Мелье сообщил о новом гнусном преступлении версальских жандармов - их жестокой расправе с разведкой 185-го батальона Национальной гвардии, в Коммуне снова слышались требования (Урбена и других) применить репрессии и расстрелять пленных, которые находятся в руках Коммуны. Одни члены Коммуны требовали расстрелять парижского архиепископа Дарбуа, другие - публично расстрелять заложников - жандармов и шпионов.

Однако и теперь некоторые сторонники ложно понимаемого принципа гуманности и справедливости, ужаснувшись при одной мысли о революционном терроре, пытались спорить со сторонниками террора. Тридон заявил, что репрессии должны иметь законное основание: "Нужно, чтобы справедливость была на нашей стороне", - сказал он. Он решительно оспаривал право Коммуны расстреливать тройное число заложников, считая его абсолютно несправедливым. Ж. Б. Клеман напомнил, что в Версале есть достаточно пленный коммунаров - отцов семейств, до 7 с половиной тысяч! Он серьёзно предостерег Коммуну, что всех этих коммунаров там обязательно расстреляют в виде мести за казнь заложников.

Билльоре был тоже против казни жандармов: "Вы думаете, - сказал он, - Версаль дорожит своими жандармами, своими полицейскими? К жизни этих орудий он совершенно безразличен; но что ему не безразлично, так это ответить вам тотчас же убийством трёх десятков ваших людей, потому что, к несчастью, у них больше пленных, чем у вас. Если вы хотите применять репрессии, то надо бить не по жандармам и городским, а по верхам партии". Другие члены Коммуны (Авриаль, Журд, Арну) выступали на этом заседании как защитники принципов "гуманности", "справедливости", "законности". В заключение Гамбон внёс предложение проверить самый факт убийства федератов 185-го батальона, описанный Мелье, и только после этого потребовать у Тьера выдачи офицера, который командовал расстрелом...

Так благодаря мягкотелости и прекраснодушию Коммуны дело опять кончилось ничем: "гора родила мышь", по словам известной латинской поговорки.

Всего за два месяца существования Коммуны по распоряжению Комиссии общей безопасности было произведено до 1400 арестов (причём надо иметь в виду, что две трети этого числа приходилось на дезертиров и уличных гуляк, задержанных ночью). Некоторые арестованные по подозрению в сношениях с Версалем вскоре освобождались "за отсутствием улик". Немалую работу провела комиссия по разоблачению шпионов, в большом количестве засланных в Париж Тьером.

В апреле 1871 г. в кабинете Лагранжа, начальника императорской тайной полиции, были найдены письма с просьбой денег. Почерк похож был на почерк Ларжильера. Риго немедленно подписал приказ о его задержании. Ларжильера нашли в караульном помещении при министерстве финансов. "Эмиль Жиффо сделал знак. Ларжильер поднялся. Оба вышли.

- Риго требует тебя в префектуру.

Ларжильер побледнел.

- Зачем?

- Какая-то справка.

Подошли два агента в штатском. Ларжильер понял.

- Опять клевета! - воскликнул он. - Я знаю, что у меня есть враги, которые уже пытались доказать, что я принадлежал к полиции!

Жиффо молчал... По прибытии в префектуру все четверо поднялись в кабинет Риго.

Риго сидел за своим письменным столом; перед ним лежало развёрнутое письмо Ларжильера.

- На, прочти, - сказал Риго арестованному. - Это, ведь, твой почерк...

Ларжильер не находил слов. Он был бледен, как смерть. По знаку Риго четыре гвардейца окружили его и взяли под стражу...".

Любопытно, как Риго изобличил одного из провокаторов. В начале октября 1870 г. Риго и его помощники случайно обнаружили в письменном столе, принадлежавшем бывшему имперскому префекту Лагранжу, рапорт за подписью Л. Они давно уже подозревали, что Л. был не кто иной, как их старый приятель Ла*, который, по-видимому, уже выдавал полиции многих товарищей. Но вот однажды Ла пришёл к Риго просить устроить его на работу. Воспользовавшись этим случаем, Риго пригласил его к себе и сказал дружеским тоном:

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871, Raoul Rigault, p. 35-36.)

- Дорогой мой Ла, мне кажется, что твою просьбу можно удовлетворить. Но ты же знаешь, как в таких случаях полагается: надо обратиться к префекту с письменным заявлением. Присядь-ка вот тут, за мой стол, я тебе продиктую, что писать.

Ничего не подозревая, Ла под диктовку стал писать заявление, где подробно перечислял все свои заслуги в борьбе с империей... Когда он подписался, Риго сказал:

- Кстати, раз ты уже здесь, может быть, ты сможешь кое в чём помочь. Ты же знаешь, что я разыскиваю провокаторов, проваливавших нас. Мне кажется, что я обнаружил одного из

них: это, верно, каналья Верльер, который шпионил специально за тобой, Прото и Бриконом.

- Меня это несколько не удивляет, - цинично ответил Ла, - разве ты не знаешь, что мы его подозревали?

Риго стал читать рапорты Ла, которые тот невозмутимо выслушал.

- К несчастью, - сказал Риго, - это только копии.

Но вот подлинный автограф, забытый Лагранжем. Посмотри... по-моему, это почерк Верльера... Если только... если только это не твой, старый преступник! Ла, сражённый, вынужден был сознаться и рассказал нам, что, будучи обвинён в краже (он был позументщиком), он смог отвертеться от суда, только дав обязательство Лагранжу писать рапорты обо всех политических деятелях, с которыми встречался". Он был арестован.

- (Gaston Da Costa, La Commune vecue, v. II, p. 253-255.)

Риго разоблачил и арестовал многих так или иначе скомпрометировавших себя членов Коммуны и Центрального комитета - Люлье, Бержере, Кюзере, Брюнеля, Асси, Эмиля Клемана, Бланше, Аликса и некоторых других.

Так, изучая досье полиции, Рауль Риго обнаружил, что Эмиль Клеман поддерживал связь и переписку с префектом полиции времён империи. Клеман был арестован в тот момент, когда, будучи членом Комиссии общей безопасности, он пытался похитить из досье компрометирующие его бумаги.

Другое очень важное разоблачение Риго сделал на заседании Коммуны 5 мая. Риго напомнил собранию, что было решено, если окажется необходимым арестовать члена Коммуны, сделать об этом специальный доклад Коммуне.

"Сегодня, - сказал Риго, - мы пригласили сюда гражданина Бланше. Нас давно уже предупредили, что это не настоящее его имя, что он выполнял свои функции и был осуждён, вследствие чего не имел права оставаться здесь [в Коммуне]. И хотя он всегда голосовал с большинством и Комитетом общей безопасности, именно поэтому я решил его не щадить". Раздались возгласы одобрения. Из оглашённого на заседании Коммуны протокола, составленного Ферре, выяснилось, что члена Коммуны Бланше звали Пуриль (Станислав), ...что в Бресте он поступил в 1860 г. послушником в монастырь капуцинов и оставался в этой роли 8-9 месяцев. Затем он уехал в Савойю и вступил в Лароше в другой монастырь капуцинов (в 1862 г.).

Далее, Бланше (Пуриль) рассказал о своей работе в Дворце правосудия при империи; о том, что, будучи ещё в Лионе, он был осуждён на 6 дней тюрьмы за симуляцию банкротства, что он переименовал своё имя, так как существует закон, что банкроты не имеют права называться в газетах и подписывать своё имя.

Несколько времени тому назад, рассказал членам Коммуны Риго, два гражданина, стоявшие у входной двери, увидели, что Бланше вышел, и сказали мне: "Знаете ли вы этого

гражданина? Мы из Лиона и убеждены, что он был секретарём полиции в Лионе".

Члены Комиссии общей безопасности произвели расследование, и факты эти подтвердились. В присутствии всех членов Комиссии общей безопасности Пуриль (Бланше) признался во всём, был арестован и препровождён в Мазас. После этого сообщения председатель зачитал заявление Пуриля с просьбой исключить его из состава членов Коммуны*.

- (См. "Proces-verbaux de la Commune 1871", v. II, p. 185-186.)

Последним членом Коммуны, которого Риго арестовал за плохую административную работу и за неподчинение Комитету общественного спасения, был Алике, избранный мэром VIII округа и пользовавшийся, по словам Вайяна, неплохой репутацией, как человек энергичный, но очень невыдержанный. Коммуна в отсутствие Риго постановила освободить Аликса*. 12 мая на заседание Коммуны явился Риго, сообщивший, что 11 мая Алике пришёл в мэрию и сломал печати, наложенные комиссаром Комитета общественного спасения на документы. "Это или легкомысленная проделка, - сказал Риго, - или преступление, или, как сказал доктор Рагуль, акт сумасшествия. Так или иначе, пришлось немедленно арестовать Аликса, и я прошу Коммуну это мероприятие одобрить. ...Кроме того, в муниципалитете VIII округа царит большой беспорядок: ...я не требую посадить Аликса в Мазас, но в такое место, какое будет указано одним из наших товарищей-врачей"**. Было постановлено произвести расследование.

- (См. "Proces-verbaux de la Commune 1871", v. II, p. 343-344.)

** ("Proces-verbaux de la Commune 1871", v. II. p. 331.)

Аресты членов Коммуны вызвали большие разногласия в её среде. 8 апреля Остин потребовал, чтобы в случае задержания какого-либо члена Коммуны последнему была бы предоставлена возможность быть заслушанным на ближайшем заседании Коммуны. Но Риго энергично против этого возражал. Этот вопрос поднимался в Коммуне неоднократно.

Оценивая работу Комиссии общей безопасности в целом, необходимо сказать, что в её деятельности было много недостатков. Комиссия общей безопасности не имела достаточного представления о шпионаже, предпринятом Тьером (подкупе, подготовке диверсий, организации заговоров и т. п.). Разведка её действовала плохо, информация о военных действиях Версаля часто отсутствовала. В рядах командного состава Национальной гвардии было немало тайных агентов Версаля, осуществлявших с успехом свои шпионские задания. Так, виконт Барраль-де-Монто, бывший морской офицер, проникший в командный состав одного легиона, упорно предлагал свои услуги Коммуне для взрыва канализационной системы столицы. Полковник Лапорт, которому была доверена охрана одних ворот Парижа, систематически уходил по ночам в Булевский лес якобы для "наблюдения за неприятелем". На самом же деле он обещал Тьеру в одну из ночей открыть ворота версальской армии. В конце апреля две армейские дивизии версальцев были направлены в окрестности Булонского леса. Тьер и маршал Мак-Магон провели целую ночь в лесу, ожидая сигнала предателя, но у него это дело сорвалось. Одной из наиболее значительных диверсий, организованных Тьером, был взрыв на улице Рапп 17 мая. Крупные заговоры организовали

военные - полковник Корбон, Шарпантье, командир Национальной гвардии, и Домален, сообщавший в Версаль планы баррикад и укреплений Трокадеро, Монмартра и Пантеона.

Работа Комиссии общей безопасности неоднократно обсуждалась на заседаниях Коммуны.

Так, 23 апреля Коммуна обсуждала работу Комиссии. Многие члены Коммуны (Лефрансэ, Делеклюз и другие) обвиняли Риго в превышении власти. По словам Арну, аресты производились Комиссией без разбора и почти всегда невпопад. Было единогласно решено произвести расследование положения заключённых и причин их задержания. Коммуна признала за своими членами право посещать тюрьмы и выслушивать претензии арестованных. Риго на этом заседании отсутствовал. Явившись на заседание 24 апреля, Риго заявил:

- Вчера в моё отсутствие вы постановили, что все члены Коммуны имеют право посещать всех арестованных. ...Я прошу вас отменить вчерашнее решение, по крайней мере в отношении заключённых в одиночных камерах. Если вы будете настаивать на своём решении, я буду вынужден подать в отставку.

Ему возражал Арну:

- Из слов гражданина Риго вытекает, что одиночное заключение сохраняется. Я энергично протестую. Одиночное заключение - нечто безнравственное. Это физическая пытка... Я не понимаю, как люди, которые провели всю свою жизнь в борьбе с деспотическим режимом... эти самые люди, придя к власти, усердно повторяют те же ошибки...

- Отвечу гражданину Арну, - сказал Риго, - что война тоже безнравственна, однако мы воюем... У меня в настоящий момент содержатся три-четыре таких лица, что если бы каждый член Коммуны мог их посещать, то, признаюсь, тогда было бы совершенно бесполезно держать их в одиночном заключении. Кто не видел дела заключённого, тот может дать себя разжалобить его словами, его семейными обстоятельствами, соображениями человечности и помочь ему в сношениях с внешним миром. Встречаются очень хитрые люди; есть такие и среди моих заключённых...

Отставка Риго была принята. Уходя из Ратуши, Риго приблизился к Арну и хладнокровно заметил ему:

- Дорогой мой, лучшим днём моей жизни будет тот день, когда я вас арестую!

Многие члены Коммуны долго и упорно отстаивали принцип свободы печати. Безусловного уважения к свободе печати требовали Верморель, Лефрансэ, Урбен. Риго неоднократно выступал против свободы печати и указывал, что в обстановке ожесточённой гражданской войны свобода печати означает свободу клеветать на Коммуну. Он был сторонником самых решительных мер против буржуазной и контрреволюционной печати в Париже. Вскоре после революции 18 марта он вместе с Дювалем закрыл две бонапартистские газеты - "Figaro" ("Фигаро") и "Gaulois" ("Галл"). Во время своей работы в префектуре полиции Риго закрыл следующие органы буржуазной печати, выступавшие против Коммуны:

1 апреля - "L'Electeur libre" ("Свободный избиратель"), 5 апреля - бонапартистские газеты "Constitutionnel" ("Конституционалист"), "Paris Journal" ("Парижская газета"), "Liberte" ("Свобода"), "Pays" ("Страна"), "Journal des Debats" ("Газета дебатов").

18 апреля Риго вновь выступил в Коммуне с указанием на то, что некоторые буржуазные газеты Парижа настолько обнаглели и распоясались, что фактически превратились в прямую агентуру врага. В доказательство он зачитал несколько выдержек из газет "Le Bien Public" ("Общественное благо"), "La Cloche" ("Колокол") и задал вопрос - можно ли при нынешних обстоятельствах допускать выход газет, называющих версальские войска "нашими солдатами"? Вынесено было постановление: "Так как принцип свободы печати не влечёт за собой существования в Париже газет, сочувствующих неприятельской армии, газеты "Le Bien Public", "La Cloche", "L'Opinion Nationale", "Le Soir" закрываются".

На другой же день они были закрыты. В мотивировке приказа было сказано: "...Невозможно терпеть в осаждённом Париже газеты, которые открыто проповедают гражданскую войну, сообщают неприятелю сведения военного характера и распространяют клеветнические измышления о защитниках республики"*.

- (А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 355.)

Позже был закрыт ряд других газет.

20 апреля Риго был избран делегатом от Комиссии общей безопасности в Исполнительную комиссию*.

- (См. "Procès-verbaux de la Commune 1871", v. I, p. 330.)

Несмотря на отставку, через несколько дней - 24-го, по предложению Делеклюза Риго вместе с Ферре были снова избраны в Комиссию общей безопасности. С поддержкой его кандидатуры выступил Делеклюз. "В том, что было сказано, - заметил Делеклюз по поводу возражений насчёт того, что члены, сложившие полномочия, уже не могут быть переизбраны, - я не вижу достаточных мотивов к отставке гражданина Риго. Гражданин Риго молод, это - приятный недостаток"*.

- ("Протоколы Парижской Коммуны", т. I, стр. 233.)

Его влияние - прямое или косвенное - на членов Коммуны было настолько сильным, что два дня спустя (26 апреля) его назначили прокурором Коммуны*. Лучшего прокурора Коммуна не могла пожелать.

- (См. "Procès-verbaux de la Commune 1871", v. I, p. 510.)

Риго был прекрасно осведомлён о действиях и настроениях любого ведомства Коммуны. Всюду у него были свои агенты - в министерствах военном, финансов, юстиции. Когда он стал прокурором, его вес и авторитет ещё больше возросли.

На заседаниях Коммуны Риго всегда высказывался за самые энергичные мероприятия. Так, при голосовании предложения о создании Комитета общественного спасения (заседание 1 мая 1871 г.) Риго высказался за его создание, мотивируя это так:

"Надеюсь, что Комитет общественного спасения будет в 1871 г. таким, каким обычно принято считать, но ошибочно, Комитет 1793 г., я голосую за. Рауль Риго"*.

- ("Proces-verbaux de la Commune 1871", v. II, p. 390-391.)

Этим Риго выявил своё критическое и отрицательное отношение к тем учреждениям первой буржуазной революции, которым неоякобинцы склонны были слепо подражать.

В роли прокурора Коммуны он вёл себя ещё решительнее, чем прежде. Он стремился быть прозорливым, предвидящим события, непоколебимым, подобно лучшим "революционерам II (1790) года". Когда на площади Вольтера была предана торжественному и демонстративному сожжению гильотина, Риго сильно возмущался, заявляя, что этот акт будет иметь большое политическое значение, ибо воодушевит реакцию.

На заседании Коммуны 17 мая в связи с сообщением Урбена, что версальцы в боях у Ванва обстреляли врачей, перевязывавших на поле битвы раненых, и убили сестру милосердия, Рауль Риго выступил с проектом декрета о создании специального суда присяжных (обвинительного жюри) из рядовых национальных гвардейцев, чтобы отомстить за это преступление и наметить заложников, подлежащих казни. В одном из параграфов этого декрета говорилось: "Суд при разборе политических дел может сразу же по установлении виновности выносить приговоры большинством голосов. Приговоры будут исполняться в 24 часа". Риго добавил: "Суд не имеет права судить заочно. Наш суд должен стать настоящим революционным трибуналом!"*.

- ("Proces-verbatix de la Commune 1871", v. II, p. 382-383.)

"Я того мнения, - сказал Риго, - что на преступление версальцев следует ответить самым энергичным образом, наказав действительно виновных, а не первых попавшихся. Однако я предпочёл бы скорее упустить виновных, чем наказать хоть одного невинного. Среди людей, которые у нас в руках, есть настоящие преступники, которые более опасны, чем остальные заложники... Таков, например, жандарм или полицейский агент. Если он предстанет перед судом и станет отрицать свою виновность, всегда можно вызвать свидетелей, и этот человек может быть обвинён менее чем в 24 часа. Но есть люди, вина которых гораздо значительнее... Одинаково виновны, по-моему, и сторонники Версаля и сообщники Бонапарта. Заметьте, что я не отношу к политическим преступлениям выкрики "Да здравствует Версаль!", Да здравствует император!"*.

- ("Proces-verbatix de la Commune 1871", v. II, p. 387.)

19 мая суд присяжных собрался на первое своё заседание во Дворце правосудия. После вступительной речи Рауля Риго начался допрос обвиняемых, главным образом жандармов, полицейских и парижских гвардейцев (gardes de Paris), арестованных во время революции 18 марта. Те пытались защищаться, ссылаясь на то, что они - солдаты и подчинялись

дисциплине. "Вы знаете, - сказал один из обвиняемых, - что у солдат нет собственной воли... Мы не стреляли в народ, мы братались с национальными гвардейцами Монмартра, которым мы сдались в плен. Мы пили вместе с ними, и они - с нами"*.

На это Риго, прокурор Коммуны, возразил:

- (Ch. Proles, Les hommes de la Revolution de 1871. Raoul Rigault, p. 65-66.)

- Я не считаю, что парижские гвардейцы то же самое, что солдаты. Известно, как мы обращаемся с солдатами, если они приходят к нам. Но вы сдались в плен, потому что у вас иного выхода не было... Весь вопрос в том - можно ли вас считать заложниками или нет? Здесь достаточно одного слова, чтобы вас признать виновными. Вы сами сказали, что вступили в гвардию, потому что это было выгоднее. А вы хорошо знали, какие приказы будут вам давать, какую работу вы будете получать в Парижской гвардии, куда вы поступили из-за нескольких лишних су...

После этого суд постановил считать этих людей заложниками. То же было решено в отношении полицейских и жандармов.

К инциденту с демонстративным уходом "меньшинства" Коммуны Риго отнёсся с характерной для него твёрдостью и решимостью. Он принял решение: если члены "меньшинства" не явятся в ближайшие дни на заседания Коммуны, - арестовать их всех поголовно! Каково же было его и делегата юстиции Прото изумление, когда, придя 17 мая на заседание Коммуны, они увидели, что все члены "меньшинства" заняли свои места!

"Наше удивление было велико, - рассказывал Прото. - Кое-кто из нас (сторонников "большинства") вышел в коридор, чтобы поговорить друг с другом по этому поводу... Когда я снова вошёл в зал, ко мне подошёл Риго и, поглядывая на места, где сидели члены "меньшинства", шепнул мне: "Ордера готовы!". Я поднялся, чтобы отыскать Делеклюза и Пиа, с которыми хотел посоветоваться. Найдя их, мы втроём обсудили последствия ареста всех двадцати двух.

Делеклюз сказал, что в данном отчаянном положении, когда нас, может быть, отделяет каких-нибудь несколько дней от гибели Коммуны, этот акт явится новым поводом для конфликтов и дезертирства. Пиа сказал то же самое. Мы вернулись в зал, и я объяснил Риго, почему мы решили отказаться от плана ареста". Они поняли, что после ареста главных командиров Национальной гвардии этот акт окончательно подорвал бы авторитет Коммуны среди федератов, и неизвестно, как бы федераты реагировали на арест более чем четвертой её части*.

- (См. "Procès-verbaux de la Commune 1871", v. II, p. 390-391.)

За день до своей гибели Риго явился в тюрьму Сент-Пелажи и приказал немедленно расстрелять давно арестованного им Поставу Шоде, бывшего помощника мэра Парижа и организатора усмирения восстания 22 января 1871 г. Шоде обвинялся в том, что по его приказу бретонские мобили стреляли в толпу, собравшуюся на площади перед Ратушей. Особенное негодование вызвала гибель во время массового расстрела парижан Теодора Сапия, члена ЦК 20 округов и командира 146-го батальона Национальной гвардии. Тщетно

Шоде (уже сидя в тюрьме) пытался оправдаться, заявляя в своей статье в "Siecle" ("Век"): "Никто нас не сможет упрекнуть за 22 января! Это был наш долг... и мы принимаем на себя за это ответственность. Если за это нам следует получить пулю, то мы готовы пасть, благословляя республику". Риго не верил в искренность "республиканца" Шоде; он не мог простить ему гибели Сапия, находившегося на площади рядом с Риго. Риго бросил ему также обвинение в том, что по его вине Бланки погиб.

- Это ложь! - в отчаянии воскликнул Шоде, - Бланки не убит; я готов даже, если вы пожелаете отложить мою казнь, доставить вам последние сведения о Бланки и даже добиться его освобождения!

Этими неосторожными словами Шоде выдал себя и погубил. - Стало быть, вы находитесь в связи с Версалем! - вне себя воскликнул Риго, - вы сами видите, что Бланки убит, и заложники заплатят нам за него!

Вместе с Шоде по приказу Риго были расстреляны три парижских муниципальных гвардейца.

В тот же день был расстрелян и архиепископ Дарбуа.

"Вот уже два месяца, как они (версальцы. - А. Л.) всех расстреливают. Эти люди безжалостны, - рассказывал своим друзьям Риго после свершившегося расстрела. - Мы никогда не собирались привести в исполнение "закон о заложниках". И однако это было нашим правом. Я даже не собирался держать их в Мазасской тюрьме. Я хотел только одного - получить старика (Бланки. - А. Л.)! За него я бы им отдал всех... архиепископа, Дегерри и прочих... Я бы выпустил всех из Мазаса, я бы всем арестованным выдал пропуски в Версаль. Но мне нужен был Бланки!.. - Ты же знаешь, - сказал Риго, обращаясь к одному из присутствующих, - чего только мы не предпринимали! Дарбуа писал. Флотт с риском быть арестованным отправился к Тьеру. Ничто не помогло. Впрочем, сейчас всё кончено".

Но враги Коммуны пытались всё свалить на расстрел Коммуной заложников, чтобы оправдать этим свои неслыханные зверства. Они не гнушались при этом прибегать к явной фальсификации истории...

В тот же день, 24 мая, утром Риго в мундире командира федератов, с красными отворотами и таким же воротником, с револьвером за поясом и с саблей на боку, с отличительной кокардой (на красном околыше кепи - серебряная граната), находился на улицах Парижа.

"Мы вошли в кафе Даркур на площади Сорбонны, - рассказывает Вильом, - ...На углу улицы Виктор-Кузэн несколько человек строило, с некоторым запозданием, баррикаду. Выстрелы слышались всё ближе и ближе. Судя по всему, битва шла за Люксембургом.

- Я сегодня специально нарядился, - сказал прокурор Коммуны. - Когда федераты видят вас в штатском, это производит на них плохое впечатление. Им кажется в таких случаях, что ты собираешься в любой момент улизнуть... И вообще, - добавил он улыбаясь, - когда умираешь, надо по крайней мере прилично умирать... Не знаешь ли ты, есть ли здесь члены Коммуны этого округа? Я видел сегодня утром Режера. Журд только что уехал. Тридон при

смерти, Бланше в Мазасе... что касается меня, то я во всяком случае останусь там во время борьбы - Коммуна отошла к мэрии XI округа. Я последую за ней.

Я буду защищать квартал. Это же мой квартал - Пантеон!"

К трём часам Рауль Риго подошёл к перекрёстку улиц Сен-Жак и Гей-Люссак. Он вошёл в дом № 29 - гостиницу на улице Гей-Люссак, поднялся на верхний этаж и оттуда стал следить в зрительную трубу за движениями версальцев. С этого пункта он стал передавать приказания своим лейтенантам, продолжавшим сражаться. Заметив, что офицер федератов вошёл в дом на улице Гей-Люссак, версальские солдаты дали по нему залп, но промахнулись. Тогда солдаты под предводительством сержанта бросились в дом, схватили хозяина. Тот назвал себя, побежал за Риго и рассказал ему, что случилось.

"Если вы не спуститесь, - взмолился хозяин, - они меня расстреляют! - Хорошо, - сказал Риго, - я не подлец и не свинья, я спущусь. Оставайся здесь, - сказал он своему секретарю. - Незачем убивать двоих, хватит одного меня.

И он спустился. Стрелки ожидали его у двери.

- Вот я!.. - сказал он. Капрал отнял у него саблю и револьвер, и весь взвод двинулся к префектуре Люксембурга.

...Один из версальских штабных офицеров остановил взвод и спросил:

- Кто этот человек?

- Я Рауль Риго, прокурор Парижской Коммуны, - ответил Риго.

- Ну, тогда кричите: "Долой Коммуну!"

- Да здравствует Коммуна! Долой убийц! - ответил Риго. Не успел он окончить, как упал с черепом, раздробленным пулей. Затем труп его швырнули на тротуар. Там он пролежал до следующего дня. Вокруг толпились разные зеваки. Некоторые издевались над трупом. У одной женщины, знавшей раньше Риго, хватило смелости накрыть труп покрывалом и приколоть к его груди листок с надписью: "Уважение к мёртвым! Сжальтесь над его несчастным отцом!". Только на следующий день брат Рауля Риго опознал его труп и на фургоне отвёз на Монмартрское кладбище**.

- (Ch. Proles, bes hommes dela Revolution de 1871. Raotil Rigault, p. 76.)

В заключение следует сказать, что Риго, как и Ферре, был одним из немногих деятелей Коммуны, умевших взять на себя осуществление революционного террора с той смелостью и решительностью, которых часто не хватало коммунарам в их борьбе с контрреволюцией.

Версия #2

Зверобой создал 29 мая 2025 06:53:17

Зверобой обновил 29 мая 2025 06:57:39